

Гришин Андрей Александрович

УЖАС И СМЕРТЬ В ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматривается онтологическая и этическая связанность понятий "ужас" и "смерть". Обосновывается значимость философской рефлексии над этими понятиями. Раскрываются особенности русской философии по сравнению с западноевропейской в вопросах, связанных с ужасом смерти. Также выявляются существенное различие между "ужасом смерти" и "страхом смерти" и отличия психологического и этического подходов к данным явлениям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 58-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Кашапова А. И.** Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. 2. С. 93-96.
6. **Кувакин В. А.** Мыслители России: избранные лекции по истории русской философии. М.: Российское гуманитарное общество, 2005. 520 с.
7. **Сухов А. Д.** Русская философия. Пути развития. Очерки теоретической истории. М.: Наука, 1989. 207 с.
8. **Татищев В. Н.** Разговор о пользе наук и училищ. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1887. 171 с.
9. **Шкуринов П. С.** Философия России XVIII века. М.: Высшая школа, 1992. 256 с.

PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT: TO THE PROBLEM OF INSTITUTIONALITY

Grechishnikova Nina Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
nina-grech@yandex.ru

The article examines the theme of the institutionality of enlightening activity in the context of the history of the Russian philosophy. The paper is written with the use of sociological approach to comprehending philosophical traditions and thus it stands out from the rest of historical-philosophical works. According to the author's understanding enlightenment is a special direction in the spiritual activity of mankind based on the belief in the transformative power of mind and expressed in translating knowledge, which contributes to the improvement of social relations. It is evident that enlightenment performs quite specific functions in society. That's why the author tells about the institutionality of enlightenment.

Key words and phrases: epoch of enlightenment; enlightening activity; the Russian philosophy; social institution; ideology.

УДК 17.035.1

Философские науки

В статье рассматривается онтологическая и этическая связанность понятий «ужас» и «смерть». Обосновывается значимость философской рефлексии над этими понятиями. Раскрываются особенности русской философии по сравнению с западноевропейской в вопросах, связанных с ужасом смерти. Также выявляются существенное различие между «ужасом смерти» и «страхом смерти» и отличия психологического и этического подходов к данным явлениям.

Ключевые слова и фразы: смерть; ужас; ужас смерти; страх; страх смерти; бытие; ничто; этика, психология.

Гришин Андрей Александрович

Воронежский государственный университет
iamaphilosopher@ya.ru

УЖАС И СМЕРТЬ В ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ[©]

И в обыденном, и в философском сознании понятия «ужас» и «смерть» сопряжены на самом глубоком уровне. Существующее выражение «ужас смерти» точно отражает фундаментальную тождественность этих понятий и состояний. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» прямо говорит: «Люди не дают хода мужеству перед ужасом смерти» [11, с. 254]. Психологически это объяснимо вполне рационально: ужас является одной из наиболее сильных эмоциональных реакций на факт уничтожения человека. Однако философский анализ этих понятий дает более сущностное понимание не только психологической, но и нравственной природы человека.

Ужас может быть вызван множеством различных причин. Однако предельный ужас, «чистый ужас», ужас как таковой вызывается всегда смертью. Смерть ужасна, причем любая смерть, а не какая-то особенная «ужасная смерть». Смерть, как правило, ассоциируется с пустотой, темнотой и полным неведением. Ж. Батай пишет о скольжении «над бездной в совершенной темноте», в которой испытывается «весь ее ужас» [1, с. 198]. Это и есть состояние смерти, которое непременно натывается на ужас как наиболее точное выражение для этого состояния. Батай продолжает: «Мое “я”, умирающее... отвратительной смертью, внимает разуму не более, чем какая-нибудь собака, по доброй воле замыкается в ужасе» [Там же, с. 210].

Экзистенциальная аналитика ужаса в его сцепке со смертью более всего представлена в работах М. Хайдеггера. «Бытие к смерти есть сущностно ужас» [11, с. 266] – снова читаем в «Бытии и времени». Таково своеобразное феноменологическое кредо философа, связывающее ужас и смерть. Что же такое ужас, по его мысли? Это то, в чем «присутствие расположено *перед* ничто». Здесь появляется важное понятие «Ничто», которое, конечно, является самым ближайшим синонимом смерти, но в то же время имеет свою бытийную основу в конечности человека. Смерть мгновенна, она раскрывает «путь в Ничто», в «состояние Ничто». Само же Ничто имеет длительный характер, оно сопровождает человеческое бытие как бытие конечное до самой смерти. В этом смысле есть некоторое различие между смертью и Ничто.

В лекции «Что такое метафизика?» М. Хайдеггер дает развернутую аналитику Ничто и ужаса как способа раскрытия Ничто. Он говорит: «Ужасом приоткрывается Ничто» [12, с. 21]. И далее: «Сплошная пронизанность нашего бытия ничтожающим поведением – свидетельство постоянной и, разумеется, затененной распахнутости Ничто, в своей исходности раскрываемого только ужасом» [Там же, с. 24]. Проекция на человеческое существование дает такие известные метафоры философа: «человек как заместитель Ничто», «человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто». Ужас тем самым выполняет важную антропологическую функцию: он позволяет человеческому бытию раскрыть свою подлинность как конечного существа. В повседневном существовании человек забывает, не думает, игнорирует именно свою конечность, а значит, он пребывает в неподлинном состоянии.

В то же время ужас обладает парализующим волю человека действием. И в этом смысле трудно говорить, насколько ужас продуктивен для раскрытия человеческой подлинности. В любом случае важно то, что феноменологическая философия в лице Хайдеггера фундаментализировала понятие ужаса, лишив его всех его психоэмоциональных характеристик и представив в виде значимого для человеческого бытия экзистенциала.

Таким образом, Ничто, ужас, человеческое присутствие оказываются бытийно связанными феноменами. Это и есть «антропологический контур» человеческого существования, раскрываемого философией.

Необходимо сказать о том, что С. Кьеркегор одним из первых заговорил о связанности Ничто и ужаса (в его терминах «страха»). Этому посвящена работа «Понятие страха», в которой находим такие рассуждения: «Какое же воздействие имеет ничто? Оно порождает страх»; «Что означает умереть, Адам, конечно же, совсем не понимает, однако если допустить, что это было ему сказано, его непонимание не препятствует тому, что он получает представление об ужасном»; «Страх и Ничто постоянно соответствуют друг другу» [5, с. 143, 146, 191]. Но этот ужас не только психологическая реакция на Ничто, но и желание бытийной укорененности субъекта. Как пишет современный исследователь, «страх ничто открывается человеку в его желании быть» [13, с. 221].

Итак, для Кьеркегора «Ничто, являющееся предметом страха, вместе с тем все больше и больше превращается в Нечто». Это Нечто есть первородный грех, который лежит в основании страха. Именно он является причиной безотчетного, немотивированного, беспричинного страха, который в виде заботы или тоски постоянно проявляется в человеческом бытии. Философ дает религиозную трактовку связанности понятий Ничто и страха, позволяющую ему более тонко и глубоко проанализировать предельные экзистенциальные состояния человека, поскольку господствующая в то время рациональная метафизика не позволяла это сделать. Христианская догматика, на почве которой выросло учение Кьеркегора, оказалась наиболее приемлемым и адекватным методом проникновения в духовные глубины человека.

Обратимся к отечественной философской традиции, в которой также находим глубокую проработку данной проблемы.

Непосредственно о нравственном и духовном значении ужаса говорит Н. А. Бердяев в своей книге: «О назначении человека». В понимании философа, ужас – это «чистое переживание бездны, отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия» [2, с. 260].

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой говорит о связи *ужаса и смерти*: «Когда человек видит умирающее животное, **ужас охватывает его** (выделено автором – А. Г.): то, что есть он сам – сущность его, в его глазах очевидно уничтожается – перестает быть. Когда умирающее есть человек, и человек любимый, тогда, **кроме ужаса** (выделено автором – А. Г.), ощущаемого перед уничтожением жизни, чувствуется разрыв и духовная рана, которая, так же как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится внешнего раздражающего прикосновения» [9, с. 177].

Здесь писатель выявляет нравственные страдания, которые приносит смерть, особенно смерть близкого человека. Но в любом случае, когда человек сталкивается со смертью (животного или человека), всегда приходит *чувство ужаса*. Ужас в этом смысле – неизменный спутник смерти. В некотором смысле это даже синонимы. Здесь возникает вопрос: насколько понятие «ужас», употребляемое Л. Толстым, близко к хайдеггеровскому пониманию ужаса?

Возможно, что Толстой как писатель выбирает наиболее эмоционально окрашенную лексему, чтобы передать соответствующие предельные психологические переживания человека. Но при этом у Толстого появляется сильный *этический акцент*, поскольку он говорит о «духовной ране» и боли, которые приходят «кроме ужаса». У Хайдеггера ужас – некое предельное экзистенциальное состояние, раскрывающее Ничто; у Толстого ужас – скорее эмоциональная реакция, после которой наступает реакция этическая. Здесь *психологическое* переходит в *нравственное*, что соответствует этикоцентричным традициям отечественной литературы и философии.

Интересно, как японский исследователь К. Накамура трактует связанность смерти с «чистым ужасом» у Ф. М. Достоевского. Он пишет: «Для Достоевского смерть была не тем, чем она является в эссе моралиста, – если можно так выразиться, неподвижным объектом натюрморта; и не спутником, тихо и постепенно источающим пламя человеческой жизни, но террористом, что без предупреждения нападает на вас среди светлой жизни и сталкивает в черный, страшный овраг... Для Достоевского смерть – осязательно-непосредственное ощущение, не оставляющее места рефлексии, и его героям смерть является прежде всего в виде чистого ужаса» [6, с. 98, 99]. «Чистый ужас» здесь не аксиологически нейтральная категория, но состояние, имеющее явную этическую импликацию, поскольку смерть внезапно («террористом») прерывает «светлую жизнь» и лишает человека всяческой рефлексии. Явно, что смерть здесь предстает как зло, причем как высшее зло, рождающее такое переживание, как «чистый ужас».

На связь ужаса и смерти указывает русский философ Ф. Шперк. Он подчеркивает рефлексивный момент смерти, который в своей финальной фазе заканчивается ужасом. Он пишет: «...смерть есть ничтожество *в своей рефлексии*, и в этом последнем, в этой рефлексии весь ужас такого ничтожества, весь ужас смерти» [14, с. 12]. Рефлексивное ничтожество смерти – это невозможность промыслить смерть до конца, что также порождает ужас.

Другой русский философ В. Эрн ужас смерти вводит в контекст ее бессмысленности. Рассуждая о социалистической утопии, философ указывает на ее самое уязвимое место; оно связано как раз с неустранимостью смерти. «Смерть по-прежнему останется в силе. И на фоне достигнутых результатов, на фоне довольства и отсутствия беспокойства за завтрашний день, только ярче, только безжалостнее подчеркивается вся бессмысленность, вся нелепость, вся ненужность и весь ужас смерти» [15, с. 78]. «Нелепость» и «ненужность» смерти венчается ужасом, который бесконечно усиливает эту ненужность и нелепость.

Из этих высказываний видно, что смерть воспринимается крайне отрицательно, прежде всего, с этической перспективы. Можно заметить, что русским философам свойственно общее стремление к преодолению смерти и ужаса как ее главного сопутствующего фактора. Это заметно уже в творчестве А. С. Пушкина, интересную трактовку которого дает О. Г. Постнов. Исследователь выделяет «три ярких образа смерти» в творчестве поэта, которые он обозначает так: *аполлонический* (смерть поэта), *героический* (смерть воина) и *эротический* (смерть мудреца). «Все три типа, – отмечает исследователь, – имеют тенденцию к преодолению тем или иным образом ужаса смерти, и это сближает их между собой» [7, с. 93].

Характеризуя учения Н. Ф. Федорова, В. В. Варава пишет: «Если это традиция отечественной философии, то это, при сохранении исконного благоговения перед невыразимым и непостижимым откровением бытия, то есть явленности в мир всего, что в нем есть, это еще и нравственная боль от осознания зла и неправды, которое также присутствует в мире на бытийном уровне. Поэтому здесь важна интуиция “больного бытия”, составляющая нравственный стержень отечественной философии и духовной культуры в целом» [3, с. 172]. Эта интуиция вызывает не столько к беспристрастному анализу этого состояния бытия, сколько к его преодолению.

Г. Л. Тульчинский отмечает: «Ужас смерти универсален и для эгоиста, думающего только о себе, и для альтруиста, думающего о других. С мыслью о смерти – своей и других не могут примириться ни тот, ни другой» [10, с. 155]. Невозможность примирения с ужасом смерти придает этому явлению не просто универсальный характер, но этически универсальный, поскольку в орбиту непримирения попадают «другие». А этика во многом и определяется отношением к другому как «субъекту нравственной рефлексии».

Интересно и важно отметить, что «ужас смерти» не тождественен «страху смерти». Можно, конечно, сказать, что ужас смерти – это предел и кульминация страха. Как говорит А. Демичев, «в мутной глубине страха – смерть, ничто» [4, с. 6]. Но на самом дне страха все же ужас, далее которого уже идти нельзя. Однако они имеют разную природу, в которой проявляется онтологическая связанность ужаса и смерти и психологическая – страха и смерти. Само выражение «страх смерти» имеет скорее этически отрицательный характер, в то время как выражение «ужас смерти» подчеркивает ее метафизический характер. Человек, испытывающий ужас смерти, не проявляет никаких этически отрицательных свойств; он не труслив, не малодушен, он впал, по Хайдеггеру, в «оцепенелый покой». Это не значит, что он не стремится не просто избавиться от этого состояния как неприятного, но нравственно преодолеть его как недолжного.

При этом страх смерти в большей мере трактуется негативно. Это свидетельство капитуляции разума мыслить смерть рационально и вообще парализация духовной и нравственной воли человека. Современный исследователь В. Ш. Сабиров отмечает: «Страх смерти – одно из самых мучительных душевно-духовных страданий личности. В нем сконцентрирован трагический пафос жизни человека как разумного существа» [8, с. 102]. Но в этом заложена и возможность его преодоления, поскольку страх смерти есть предельное испытание духовной стойкости и достоинства человека.

Таким образом, существенное отличие русских философов от западноевропейских в вопросах трактовки ужаса и смерти заключается в том, что если для русских мыслителей характерна нравственная вовлеченность в проблематику, они стремятся тем или иным способом преодолеть смерть и рассматривают ужас скорее как негативный эмоциональный фактор, в то время как западные философы склонны к аксиологической нейтральности и онтологическому восприятию ужаса. Здесь раскрывается неодинаковость ментальных и духовных установок различных философских традиций, которая помогает раскрыть творческое своеобразие философского мира как такового.

Онтологическая связанность ужаса и смерти подчеркивает метафизический характер смерти, невозможность ее рационального постижения. Ужас в этом смысле является способом выявления метафизического характера смерти. Ужас смерти поэтому сущностно отличается от страха смерти. В первом случае говорит о себе метафизика, во втором – психология. Поэтому ужас смерти непреодолим ни рационально, ни психологически, в то время как возможна вполне успешная терапия страха смерти.

Список литературы

1. **Багай Ж.** Человек перед страхом смерти и пустоты // Делломо Ж., Фрезер Д. Д. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. С. 198-238.
2. **Бердяев Н. А.** О назначении человека. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2003. 701 с.
3. **Варава В. В.** Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013. 256 с.
4. **Демичев А.** Введение // Делломо Ж., Фрезер Д. Д. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. С. 5-7.
5. **Кьеркегор С.** Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 115-251.
6. **Накамура К.** Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 328 с.

7. **Постнов О. Г.** Смерть в России X-XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 224 с.
8. **Сабиров В. Ш.** Критический анализ философско-этических оснований современной танатологии // Философские науки. 1995. № 3. С. 100-107.
9. **Толстой Л. Н.** Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Худ. лит., 1951. Т. 7. 378 с.
10. **Тульчинский Г. Л.** Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры Танатоса: искусство умирания: сб. статей. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С. 152-168.
11. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
12. **Хайдеггер М.** Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16-27.
13. **Шевцов К. П.** Экзистенция между воспоминанием и повторением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 219-221.
14. **Шперк Ф.** О страхе смерти и принципе жизни. СПб., 1895. 17 с.
15. **Эрн В.** Социализм и проблема свободы // Новая жизнь. 1907. № 2. С. 68-87.

HORROR AND DEATH IN ETHICAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

Grishin Andrei Aleksandrovich

*Voronezh State University
iamaphilosopher@ya.ru*

The article examines the ontological and ethical connectedness of the notions "horror" and "death". The significance of philosophical reflection on these notions is substantiated. The peculiarities of the Russian philosophy in comparison with the West-European one concerning the issues connected with the horror of death are revealed. The essential distinction between "the horror of death" and "the fear of death" and the differences of psychological and ethical approaches to these phenomena are also found out.

Key words and phrases: death; horror; horror of death; fear; fear of death; existence; nothingness; ethics; psychology.

УДК 111.1

Философские науки

Статья призвана показать, что военно-философская мысль имела существенное развитие в трудах древнегреческих мыслителей. Стараясь разгадать природу войны, античные философы выносили разнообразные суждения о ее истоках, подготовке и ведении, классифицировали войны и акцентировали внимание на взаимосвязи войны и политики. Автор обращает внимание на то, что война была главным средством, служившим для обеспечения существовавшего в Древней Греции строя рабами, чем и объясняется интерес к военной проблематике у древних греков.

Ключевые слова и фразы: война; политика; армия; военное искусство; классификация войн; междоусобные войны.

Гуторович Ольга Викторовна, к. филос. н.

*Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург
olwikgut@yandex.ru*

ВОЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ[©]

Историю любого государства крайне сложно представить без военных баталий, это вполне оправдывает утверждение, что история человечества есть история войн. Война представляет собой сложный в социально-политическом, культурном и психологическом плане феномен, она интегрирована в жизнь человеческого общества, и не случайно мировая философская мысль имеет серьезную традицию исследования войн.

Уже древнегреческая цивилизация попыталась осмыслить феномен войны: мифическую Троянскую войну, победоносные персидские войны, раскрывшие потенциал древнегреческой культуры, Пелопоннесскую войну, длившуюся 60 лет и приведшую к упадку греческих полисов. Следствием такого осмысления стали дошедшие до нас книги: историческое описание греко-персидских войн, предложенное Геродотом, события Пелопоннесской войны (478-411 гг. до н.э.), рассмотренные Фукидидом, политико-нравственное произведение «Киропедия», созданное Ксенофонтом.

Труды крупнейших философов того времени – Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля – свидетельствуют о том, что военно-философская мысль в Древней Греции получала существенное развитие. Причем философы не только сами уделяли внимание теоретическому осмыслению проблемы войны, ее подготовке и ведению, но и приобщали к активному обсуждению этих вопросов видных государственных деятелей и военачальников. Примером может служить известный афинский государственный деятель, оратор и полководец Алкивиад (450-404 гг. до н.э.).